

Синтез и индивидуальность

Свободная педагогика Константина Николаевича Вентцеля в контексте его философской системы

Признание полезности междисциплинарных исследований давно является трюизмом. Но на деле эту самую междисциплинарность реализовать бывает непросто. Даже если и собираются разные специалисты, каждый, как правило, продолжает заниматься своим привычным делом: понимание наследия мыслителей прошлого требует немалых герменевтических усилий, поэтому исследователи стремятся заниматься тем, что им хорошо известно. В каждой дисциплине есть, кроме того, набор канонических текстов, формирующих ее предметную идентичность. Несмотря на то что концепции канонических авторов, казалось бы, изучены хорошо, число работ, им посвященных, не уменьшается, а только растет.

От интеллектуальной колеи приверженности определенному канону отойти довольно трудно — на его поддержание работает механизм научного воспроизводства и сохранения общего референтного базиса классических текстов. Кроме того, отдельные дисциплины ревниво относятся к своим классикам, не особенно одобряя вторжение в их поле других дисциплинарных подходов. Механизм работы междисциплинарных барьеров, таким образом, можно объяснить. Но одобрить его, конечно, нельзя, поскольку его работа препятствует обогащению нашего историко-гуманитарного знания, равно как и адекватности наших представлений об интеллектуальной истории. Ведь канон, формирующийся, как правило, под влиянием определенных идеологических или случай-

г у м а н и т а р н ы й
КОНТЕКСТ

Главный редактор

Андрей Колесников

Научный редактор

Виталий Куренной

**Заместитель
главного редактора**

Василий Жарков

Редакционный совет

Даниил Дондурей
Денис Драгунский
Владимир Кантор

Борис Капустин
Алексей Кара-Мурза
Алан Касаев

Александр Кустарев
Владимир Лопухин
Дмитрий Орешкин
Юрий Пивоваров

Владимир
Преображенский
Алексей Руткевич
Александр Филиппов
Эрик Шур

главный редактор журнала «Искусство кино»
главный редактор журнала «Космополис»

член редколлегии журнала
«Вопросы философии», профессор ГУ-ВШЭ
профессор Йельского университета (США)
зав отделом Института философии РАН
директор дирекции стран СНГ и Балтии
«РИА Новости»

публицист, Лондон
президент компании «Вангвард»
политолог
директор ИНИОН РАН

заместитель генерального директора
компании СУЭК
декан факультета философии ГУ-ВШЭ
зав кафедрой факультета философии ГУ-ВШЭ
журналист

Дизайн-макет

Валерий Калныньш

Адрес редакции: 115035 Москва,
Черниговский пер., 9/13, стр. 3
+7 (495) 959 42 27; www.politphilosophy.ru

Иллюстрации

Екатерина
Коробкина

Отпечатано в типографии «Диджитал Экспресс»,
тел.: (495) 775 08 00

Корректурa

Нина
Шахмалиева-Саввина

Подписано в печать 27.04.2009.
Формат 70x100/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Верстка

Варя
Ламова

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ №ФС 77-34538 от 02. 12. 2008

Виталий Куренной (р. 1970) —
заведующий отделением культурологии ГУ-ВШЭ,
научный редактор журналов «Логос»
и «Гуманитарный контекст»

ных исторических факторов, нередко бывает крайне несправедлив, предавая забвению важные эпизоды интеллектуальной истории.

ЗАБЫТЫЙ ФИЛОСОФ

Ярким примером такого рода несправедливости и является наследие Константина Николаевича Вентцеля (1857-1947) — наиболее последовательного теоретика и практика «свободного воспитания» в дореволюционной России. Имя Вентцеля известно в истории отечественной педагогики. Но он, к сожалению, практически неизвестен как оригинальный философ и социальный теоретик. Знакомство же с его сочинениями показывает, что его педагогическая деятельность имела глубоко продуманный философско-теоретический фундамент. Однако его педагогическая теория, послужившая основой для организации в Москве «Дома свободного ребенка» (1906-1909), развитая в работах конца XIX — начала XX веков, по своему содержанию выходит далеко за пределы педагогической тематики: она включает разработанную этику, теорию эволюции и своеобразный вариант философии жизни. Концепция Вентцеля формулируется с привлечением работ Жана-Мари Гюйо, Альфреда Фулье, В. Вундта, Г. Геффдинга, Дж. Ст. Милля, Г. Спенсера, Й. Петцольда, Э. Маха, Р. Авенариуса, И. Канта, Л. Толстого, Л. Стефана, С. Александера и других авторов, с которыми автор нередко вступает в критическую дискуссию.

Вентцель не вошел в советский канон истории русской философии,

утвердившийся в советский период. Он закончил свою жизнь в СССР, поэтому не был включен в альтернативную жизнь русской философии в эмиграции, наследие которой оказывает решающее влияние на складывание постсоветского канона истории русской философии. Моя собственная встреча с наследием Вентцеля оказалась возможной в ходе систематической проработки текстов по русской педагогике XIX — начала XX веков в рамках российско-немецкого проекта по изучению формирования языка персональности в русской культуре.¹ До сих пор, однако, приходится признавать правоту Юрия Дружникова, который в своем очерке жизни Вентцеля замечает: «Философа Вентцеля на русском интеллектуальном горизонте не существует».²

Несомненно, Вентцель является не только одной из интереснейших фигур русской философско-педагогической мысли. Его знаменитые манифесты, последовавшие за Февральской революцией 1917 года, — «Уничтожение тюрем» (1917), «Отделение школы от государства» и «Декларация прав ребенка» (1918) — ставят его в ряд крупнейших мыслителей-эмансипаторов XX века. Компаративное исследование могло бы выявить созвучие идей Вентцеля с работами и практическими установками, в частности, Мишеля Фуко и Ричарда Рорти,³ не говоря уже о таких очевидных вещах, как развитие теории свободной педагогики у Ивана Ильича,⁴ в «пост-модернистской педагогике» и т.д.

В этом номере журнала мы публикуем один из важнейших общественно-

политических манифестов Вентцеля 1918 года — «Отделение школы от государства» и прилагавшийся к нему текст «Декларации прав ребенка» (напомним, что документ ООН с аналогичным названием появился в 1959 году). В рамках настоящей статьи мы хотели бы дать краткий анализ системы Вентцеля в той форме, как она сложилась в дореволюционный период, поскольку здесь мы располагаем фактически всем корпусом его опубликованных текстов (главным образом, благодаря двухтомному изданию его статей, вышедшему в 1911-1912 годах). В послереволюционный период он продолжал разрабатывать свою систему, отлив ее в форму одного из вариантов космизма, включающего в себя также «космическую педагогику».⁵ Но, насколько мы можем судить по имеющимся материалам, Вентцель в это время развивает и уточняет те возможности своей доктрины, которые были заложены в нее ранее. Эта система, как будет ясно ниже, не лишена парадоксальности и противоречивости на глубинном уровне тех аргументов, которые Вентцель приводит в пользу свободы личности и в том числе свободы личности ребенка.

Метафизической⁶ основой построений Вентцеля является своеобразная форма дуалистического⁷ панпсихизма: признавая различие физического и психического, а также нередуцируемый параллелизм того и другого,⁸ он считает, что «нет такого уголка во Вселенной, где бы не было сознания... если только существуют атомы, то уже каждый самый ничтожный микроскопический атом таит внутри себя зародыши и элементы сознательной жизни».⁹

Оба элемента этой метафизической системы — физическое и психиче-

ское — находятся в процессе развития, который, соответственно, имеет два аспекта — внешний и внутренний. Опираясь на различные эволюционные теории и в то же время критически дополняя их, Вентцель выводит две соответствующие формулы развития. С точки зрения внутреннего опыта, «развитие жизни определится для нас как все более возрастающая степень сознания и, следовательно, как стремление к наибольшему действию, к наибольшей активности, к наибольшему индивидуализированию жизни, к наибольшей независимости и свободе, к наибольшему творчеству, к наибольшей сумме целей, как стремление к состоянию наибольших и наиболее быстрых изменений, наиболее обширных и наиболее скорых переворотов, или, другими словами, как стремление к состоянию наибольшей неустойчивости».¹⁰

С точки зрения внешнего опыта формула развития является обратной, в ней воплощается не стремление к индивидуализированию, а, напротив, тенденция к складыванию одной системы и одного организма: «как в механическом, так и в биологическом отношении развитие мировой жизни должно явиться нам как все более и более возрастающее в своей степени взаимодействие, как все более прогрессирующая связь и зависимость».¹¹

В этом отношении развитие во внешнем его аспекте определяется Вентцелем «как прогрессирующее обобществление (универсализирование) жизни, как приближение к определенным, неизменным, постоянно повторяющимся формам»,¹² а тем самым и «как стремление к состоянию наименьшей сознательности, наибольшего автоматизма».¹³ В этих двух формулах нетрудно опознать прин-

ципы прогрессирующей дифференциации и генерализации, восходящие к эволюционной теории Спенсера и продолжающие определять содержание современной системной социальной теории. В чисто социальном плане прогрессирующая взаимосвязанность определяется Вентцелем как рост бессознательной органической солидарности.¹⁴

Объединяя две эти формулы с точки зрения цельной философии жизни, Вентцель приходит к следующей формуле развития с точки зрения цельного опыта жизни, каковое обнаруживает себя как «прогрессирующий синтез возрастающих в своей степени и широте процессов индивидуализирования жизни с процессами обобществления ее. Жизнь ведет в своем развитии к наибольшему подъему и выработке индивидуальной стороны жизни и в то же время к наибольшему подъему и выработке ее универсальной стороны. Индивидуум как самостоятельное, независимое целое все в большей степени становится частью и представителем того всеобщего целого, в состав которого он входит, не переставая в то же время быть в наибольшей степени индивидуумом, т.е. самостоятельным и независимым; и индивидуум, как нечто своеобразное, отличное от других, оригинальное, частное, особенное, все в большей степени начинает иметь общего, тождественного со всеми другими существованиями, не переставая в то же время в наибольшей степени вырабатывать свой специфический оригинальный характер».¹⁵

ФОРМУЛА ВЕНТЦЕЛЯ

Внешний (физико-биологический) и внутренний (когнитивно-психологический) элементы метафизики Вентцеля, выстроенной как эмпирическое

обобщение научных достижений своего времени (в этом отношении он является последовательным эмпирическим метафизиком), выступают в форме принципов устойчивости и неустойчивости мира, порядка и творчества,

Личность для общества
и общество для личности, или,
другими словами, общество
и личность друг для друга!

социального и индивидуальности, статики и динамики и т.д. Принцип творческого изменения необходим Вентцелю для преодоления выводов теории социальной эволюции Спенсера, которую Вентцель определяет как статичную, задающую потолок развития конечной целью приспособления к среде. Напротив, согласно Вентцелю, процесс эволюции никогда не может быть завершен, поскольку сама среда изменяется и обновляется под воздействием творческого развития. Именно в этом состоит значение личности в деле изменения общественных форм.¹⁶

Два этих начала — спонтанно-индивидуальное и универсально-всеобщее — находятся, согласно Вентцелю, в процессе все большей гармонизации между собой. Синтез и гармония, таким образом, являются центральными категориями концепции Вентцеля, формулой, с помощью которой он объединяет и примиряет в едином целом два начала единой «жизни» мира. Индивидуальное начало, проявляющее себе как волевое, целеполагающее и деятельное, снимает антагонизм внутреннего и внешнего по мере того, как становится все более рационально-сознательным, понимая, что достижение его собственных целей возможно лишь коллективным, социальным путем.

Идеальное общество, в котором индивидуальное и общественное не противоположны, а гармонизированы друг с другом, и задает, таким образом, вектор социального развития человечества: «Наибольшее развитие индивидуализма в общественной жизни здесь будет связано с наибольшим подъемом самой общественности, наибольшая свобода будет соединена с наибольшей солидарностью. Ни та точка зрения, которая находит, что общество существует только для личности, что общество играет только чисто служебную роль; ни та другая точка зрения, которая, наоборот, находит, что личность должна существовать для общества и в случае надобности быть безжалостно приносима в жертву на алтаре общественной пользы, не может тогда найти своего применения. Девизом той общественной формы, к которой стремится развитие, будет: личность для общества и общество для личности, или, другими словами, общество и личность друг для друга!»¹⁷

Две формулы «развития» — внешнего и внутреннего — резюмируют, таким образом, фактический ход мирового процесса эволюции, определяющего, в свою очередь, нормы этического, социального и политического действия. Однако при ближайшем рассмотрении такое соединение фактического и нормативного не сводится к тривиальной «натуралистической ошибке» в смысле Дж. Э. Мура, поскольку с «внутренней» своей стороны, со стороны индивидуальной психики, нормативность обусловлена телеологической природой человеческого действия, по своей структуре представляющего собой (сперва бессознательно в виде влечений, а затем сознательно) постановку и реализа-

цию определенных целей (решающая роль целеполагания в этой структуре обуславливает выдвижение на первый план понятия воли,¹⁸ которая по мере прогрессирующего развития становится под все больший контроль разума). Согласно Вентцелю, телеологическая структура человеческой деятельности накладывает требование гармонизации целей, причем эта согласованность возрастает по мере расширения горизонта целеполагания. Эта телеологическая согласованность (когерентизм), согласно Вентцелю, аналогичен согласованному характеру научной истины: «...Последним основанием для постановки всякой новой цели служит ее гармония со всеми другими целями, представление о которых сохранила наша память. От широты самой системы целей будет

В области мысли нет царей и нет подданных

зависеть, примется ли та или другая новая цель нами или отвергнется. То, что при узкой системе целей может заслужить наше одобрение, то при более широкой системе будет отвергнуто как «заблуждение воли», подобно тому, как истина, считавшаяся нами непреложной при ограниченном горизонте наших мыслей, будет отброшена нами как заблуждение ума, когда горизонт наших мыслей значительно расширится. ... Чем шире система целей, которая вообще преследуется данной личностью, тем более правильным с этической точки зрения будет являться отношение воли ко всякой новой возможной цели, ее одобрение или неодобрение, ее утверждение или отрицание. Совершенно так же, как с расширением в области познания системы наших понятий и суждений

возрастает степень истинности тех новых понятий и суждений, которые мы включаем в эту систему».¹⁹

Таким образом, непротиворечивое упорядочивание расширяющейся системы целей в гармоничное целое оказывается не только фактическим процессом, но и нормой, регулятивом, задающим само понятие нравственности: «нравственность есть установление гармонии между всеми целями нашей жизни, объединение их в одну систему, в одно целое, причем, однако, и сама эта система целей беспредельно расширяется».²⁰

ПЕРСОНАЛИСТИЧЕСКИЙ ЯЗЫК

Обобщенная характеристика концепции Вентцеля обнаруживает очень высокую частотность использования понятий персоналистического лексикона и прежде всего понятия «личность». К специфическим особенностям словопотребления этих понятий относятся не только их высокая частотность, но и их фактическая синонимичность. К характерным конструкциям персоналистического языка Вентцеля относятся такие обороты, как «индивидуальная личность» и «отдельная индивидуальная личность»,²¹ которые, очевидно, должны особо акцентировать сингулярный, единичный и крайне индивидуализированный характер персоналистического начала, а также ряд конструкций, подчеркивающих его динамический, эволюционный характер: «развитие личности», «степени развития личности», «рост личности», «расширить личность», «процесс этицирования человеческой личности».²² Этот динамический смысл понятия «личности» подчеркивается также понятием «творческой психической силы», которая «составляет интимное ядро личности».²³ Понятие «личность»

акцентируется в ключевых программных формулировках Вентцеля: «Если «освобождение ребенка» характеризует задачу, стоящую перед новой педагогикой, с отрицательной ее стороны, то понятие «творческой личности» выражает ту положительную задачу, которая стоит перед новой педагогикой и неотложно требует своего скорейшего разрешения. Таким образом, этика, гармония целей естественно и логически привела меня к педагогике свободной гармонической творческой личности».²⁴

При этом между понятиями «личность», «индивидуальность», «я» не вводится и не проводится никакого содержательного различия: их употребление образует синонимический континуум,²⁵ функционально акцентирующий персоналистический характер всей концепции в целом. Языковой акцент на «личности», демонстрируемый текстами Вентцеля, контрастирует, тем не менее, с нетематичностью этого понятия: лишь в нескольких своих работах Вентцель пытается определить собственно понятие «личности» (синонимически уравниваемое с понятием «индивида»). Эти случаи тематизации тем более представляют для нас интерес, поскольку «личность» (как и противопологаемое ей «общество» и «внешний мир» в целом) обнаруживается как несамостоятельная абстракция, играющая роль практической фикции²⁶ по отношению к (мировому) целому: «Строго говоря, и «индивидуальное», и «универсальное» — это не более, как только наши относительные понятия. Отделение индивидуума от остального мира, который мы можем рассматривать как совокупность существ, стоящих на различных ступенях жизни и связанных между собою в одно

целое, или, другими словами, как громадное всемирное общество, — это отделение есть не более, как только продукт аналитической деятельности нашего мышления».²⁷ Или: «Реальна не отдельная обособленная личность, но и не общество, не мир, как целое, независимо от составляющих его индивидуумов, — единственно реальное составляет живая кооперация отдельной личности с миром и человечеством, живой синтез индивидуального со всеобщим, который постоянно и непрерывно имеет место, пока только продолжается и будет продолжаться жизнь».²⁸

В этой концепции личности как продуктивной фикции ключевую роль играют понятия «действия», «деятельности», противопоставленные субстанциальной трактовке личности как «атома», «вещи» и подчеркивающие динамический характер личного начала. Если, согласно Вентцелю, встать на точку зрения «философии жизни»,²⁹ «тогда личность принимает для нас характер не вещи, не субстанции, не атома, но — жизни, действия, деятельности. Индивидуум есть тогда не что иное, как обладающая известным относительным постоянством совокупность действий. И, как совокупность действий, он не может представлять из себя нечто замкнутое, подобно материальному атому. Каждое действие встречается постоянно с другими действиями на своем пути и сплавляется с ними внутренним образом в одно общее действие. Будучи совокупностью действий, индивидуум непрерывно вторгается во внешний мир и сливается нераздельно с ним в одно целое».³⁰

Практический же смысл данной абстракции «личности» состоит в том, что фактическое единство жизни должно быть заменено сознательным

единством, осмысляемым как гармония: «Тем не менее этот анализ может иметь высокое жизненное значение, будучи подготовительной ступенью для сознательного синтеза личности с человечеством и всемирным обществом: естественное единство, которое заключает в себе часто антагонизм между индивидуальным и универсальным началом, человеческая воля, руководимая разумом, пытается заменить единством сознательным, которое исключило бы всякий антагонизм и явилось бы самой совершенной гармонией».³¹

Такая фикционалистская оценка «личности» («индивида») не отрицает, однако, ее особого положения, поскольку «индивидуальная жизнь нам является как связующее начало универсальной жизни, и индивидуум уже сам по себе есть не что иное, как синтез «индивидуального» с «универсальным».³² Тем не менее жизнь как целое, объемлющее и включающее в себя «личность», имеет преимущественное значение, предписывая личности подчиненную роль (данная формула заимствуется Вентцелем у Гюйо): «Но гармония между мной и человечеством возможна только в том случае, если я своим существованием и своею жизнью буду способствовать подъему жизни во всем человечестве, — если, одним словом, моя индивидуальность станет одним из условий развития всего человеческого рода».³³

Этот фиктивный, несамостоятельный, служебный по отношению к «целому» момент определяет наличие в персоналистической, на первый взгляд, концепции Вентцеля наличие таких случаев употребления понятия «личность», в которых подчеркивается ее ограниченный, несамодостаточный

характер. Личность оказывается всего-навсего маленькой личностью: «Только кооперация, только участие в общей работе заставляют человека забывать о своей маленькой личности — он чувствует, что он представитель целого, что он — сила, громадная сила. Только в кооперации одной, только в солидарной работе с другими человек познает свое истинное величие».³⁴

Такого рода попутные замечания встречаются не только в процитированной ранней работе, находящейся под сильным влиянием концепции Гюйо, но и в более поздних статьях. В частности, в статье «Основные задачи нравственного воспитания» Вентцель пишет, что для «личности, достигшей высшей степени самобытности, самосознания и свободы», «маленькое местоимение «я» утратило свое прежнее значение, став в ее глазах выражением человеческой гордости, заносчивости и эгоизма».³⁵

В ряде случаев Вентцель дает апофатическую характеристику индивидуального начала вполне в духе иррационалистических формулировок «философии жизни»: «Никакая логика и никакое мышление не могут постигнуть «реального процесса жизни», не могут понять «действия», не могут уразуметь «индивидуального»... «реальный процесс жизни», «действие» и «индивидуальное» могут быть нами только непосредственно пережиты, но не поняты в том смысле, как берется это слово».³⁶ Личностное начало соединяет в себя как физическую, так и психологическую сторону организма: «Индивидуальная личность представляет, с одной стороны, физический организм, с другой — известное определенное психическое содержание».³⁷

Нетематизированный, апофатический или, в других случаях, крайне

размытый смысл понятий «личный» и «индивидуальный» дополняется в работах Вентцеля использованием ряда комплексных понятий, таких как «нравственная личность» и «цельная личность». Одно из ключевых понятий словаря Вентцеля — «нравственная личность» — задается следующим образом: быть «нравственной личностью» означает «каждое свое действие, каждый свой поступок направлять сообразно с теми требованиями, которые ставит высший нравственный идеал».³⁸ Нравственная ценность личности ставится, таким образом, в зависимость от следования «нравственному идеалу» или «закону»; причем эта в своем абсолютном качестве нравственная ценность личности — это регулятивная идея, а не данность: «Если понимать нравственную личность так, т.е. со всем тем богатством целей, которое она в себе заключает, со всем тем влиянием, которое она оказывает на себя и других, то можно признать, что она имеет абсолютную цену. Но эту абсолютную цену она имеет именно как живое, непрерывное осуществление великого нравственного закона гармонии целей, который неизгладимыми буквами начертан в воле человека... Понятие об абсолютной ценности нравственной личности есть опять-таки не более как направляющая идея, т.е. идея, которая указывает, в каком направлении должно совершаться развитие личности, чтобы она могла приобрести безусловную ценность, причем, однако, эта безусловная ценность не может быть никогда осуществлена: в направлении к ней можно бесконечно приближаться, никогда, однако, ее не достигая».³⁹

Понятие «цельная личность» задается Вентцелем в рамках классиче-

ской для Нового времени модели психики, включающей в себя три основных способности: познавательную, эмоциональную и волевую, причем «цельность» также трактуется как регулятив, направленный на гармонизацию этих способностей: «Психические процессы разделяются на процессы познавательного характера (процессы ощущения, представления и т.д.), на процессы переживания тех или других чувствований и процессы волевой деятельности в широком смысле этого слова. Все эти процессы должны быть гармонизированы между собою: ум, чувство и воля должны составить единое целое. Личность должна стремиться к тому, чтобы быть целью личности. Такова обязанность, которая ложится на нее в этой области».⁴⁰

Лексемы персоналистического словаря входят также в целый ряд оборотов, которые не фиксированы непосредственно на понятие «личности». Так, например, особо определяется Вентцелем понятие «индивидуализации целей». «Индивидуализация» является динамической характеристикой и ставится в зависимость от положения цели в системе целей: чем сложнее цельная совокупность целей, тем более определенно задано место для отдельной цели и, следовательно, тем более эта цель «индивидуализирована»: «Чем в большей степени устанавливается гармония между целями, тем в большей степени каждая цель индивидуализируется, потому что тем более она становится такою целью, которая должна занять именно такое-то определенное место в общей системе целей, а не какое-либо другое: ее физиономия делается вполне ясной и определенной. Гармонизация целей необходимо, таким образом, связана с их индивидуализацией».⁴¹

В числе лексических особенностей работ, опубликованных непосредственно после революционных событий 1917 года, можно отметить, кроме того, регулярное использование Вентцелем понятия «внутренний человек» (не встречающееся в ранних работах), регулярно использовавшегося в педагогических текстах середины XIX века (в работах С.П. Шевырева, Н.И. Пирогова и др.) Так, в манифесте «Уничтожение тюрем» говорится: «Почти все преступления являются последствием духовной заброшенности того, кто совершил преступление; почти все они следствие того, что в детстве это лицо не получило правильного воспитания и образования, что никто не заботился о том, чтобы систематически бороться с дурною тяготевшею над ним наследственностью, что никто не заботился о развитии в нем внутреннего человека, о культуре в нем творческих сил, направленных на создание высших духовных и общественных ценностей жизни и о подавлении и заглушении всех разрушительных, враждебных жизни, антикультурных и антисоциальных стремлений...».⁴²

ОСВОБОЖДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

Если на основании приведенных характеристик резюмировать персоналистическую концепцию Вентцеля, то можно сказать, что она включает в себя два основных полюса, образующих основную линию напряжения всей его эмансипаторной доктрины. Первым из этих полюсов является холлизм: личность — это часть целого, всего лишь «маленькая личность» или даже просто «фикция». Однако эта холлистская трактовка такова, что выносит принцип целостности в качестве цели эволюционного развития общества и мира, выступая как регулятив,

а не как фактическая данность. Это целое, осмысляемое как цель, которая осознанно должна быть достигнута и признана каждой личностью,⁴³ в свою очередь, не ведет к стиранию индивидуальных различий, но означает также максимум индивидуализации, поскольку является гармоничным целым, лишенным антагонизмов: части работают на целое, а целое — на части. Однако второй полюс этой модели связан с фактическим положением дел, а не с холистским идеалом: до тех пор пока цель (сознательный, согласующийся с волей индивида, гармонический синтез) не достигнута, личное начало, действующее одновременно как динамический (творческий) принцип бесконечного развития мира, вступает в конфликт с внешним миром (включая мир социальный), выступая как начало, способное его преобразить. Это позволяет Вентцелю, несмотря на указанный холистский акцент, настаивать на текущей задаче «освобождения» личности, что и находит практическое выражение в его концепции свободной педагогики,⁴⁴ а также в работах, последовавших за Февральской революцией, в манифестах, посвященных ликвидации тюрем, освобождению школы от государства и в «Декларации прав ребенка».

Именно с этих позиций Вентцель выступает со своими наиболее эмоциональными статьями, направленными против господства любого авторитета. В частности, в статье 1910 года «В чем основа воспитания и образования (По поводу статьи Л.Н. Толстого «О воспитании»)» он подвергает острой критике поздние педагогические идеи Толстого,⁴⁵ подчеркивающие необходимость религиозного воспитания.⁴⁶ В статье «Принцип авторитета и его значение в жизни и воспитании» к чис-

лу этих авторитетов, причем наиболее пагубных, Вентцель относит также и научную истину, которая начинает выдаваться за нечто абсолютное, а не за то, что должно быть свободно принято личностью в качестве истины. Например: «Всякая истина индивидуально обусловлена... всякая истина становится истиной только в силу свободного согласия индивидуальной личности на признание ее таковой»;⁴⁷ «В области мысли нет царей и нет подданных: каждый должен быть свободною самодержавною личностью в духовном отношении».⁴⁸

В отличие от педагогов-современников, стремившихся опереться на концептуальные ресурсы неокантианской философии ценностей и фундаментализировать в ней центральную роль «личности» (Моисей Рубинштейн, Сергей Гессен), Вентцель разворачивает свою педагогическую теорию как масштабную доктрину мировой эволюции, построенную в русле эмпирической метафизики. Универсальное начало здесь лишено религиозно-метафизического содержания, но не является также и ценностью в неокантианском смысле. Универсальное — это реальный мировой процесс в тотальности своего развития (не случайно позднее, уже после революции, Вентцель станет использовать понятие «космос»), по отношению к которому «общество», «внешний мир» и другие доступные нашему пониманию целостности выступают как частные моменты. Именно этот эволюционный процесс фундаментализирует нормативные аспекты педагогической концепции Вентцеля (должное вытекает из динамики сущего). Холизм определяет и парадоксальные особенности педагогики Вентцеля. Несмотря на ее подчеркнуто персоналистический характер, «личность»

здесь выступает, в конечном счете, как несамостоятельный момент процесса развития мирового целого, как фактор (хотя и важнейший) учреждения гармонии общества и мира. При этом, однако, работы Вентцеля — например, его полемика с поздними воззрениями Л. Толстого — содержат решительные и проникновенные высказывания в пользу примата свободной индивидуальности по отношению ко всем возможным универсальным авторитетам.

ЛИТЕРАТУРА

- Вентцель К.** Освобождение ребенка. — Библиотека «Свободного воспитания» под редакцией И. Горбунова-Посадова. — М.: Типография торгового дома А. П. Печковский. П. А. Буланже и Ко, 1906.
- Вентцель К.** Этика и педагогика творческой личности. (Проблемы нравственности и воспитания в свете теории свободного гармонического развития жизни и сознания.) Т. 1. Этика творческой личности. М.: Книгоиздательство К. И. Тихомирова, 1911.
- Вентцель К.** Этика и педагогика творческой личности. (Проблемы нравственности и воспитания в свете теории свободного гармонического развития жизни и сознания.) Т. 2. Педагогика творческой личности. М.: Книгоиздательство К. И. Тихомирова, 1912.
- Вентцель К.** Уничтожение тюрем. — Кружок С.В.О.Д. — М., 1917 (Текст датирован 8 сентября 1917 г.)
- Вентцель К.** Как бороться с милитаризмом. — Кружок С.В.О.Д. — М.: Студенческое издательство, 1916.
- Вентцель К.** Отделение школы от государства и Декларация прав ребенка. — «Библиотека свободного воспитания и образования и защиты детей». Под редакцией И. Горбунова-Посадова. Выпуск CXIV. — М.: Типолиотография Т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1918.
- Вентцель К.** Свободное воспитание: Сборник избранных трудов. М.: А.П.О., 1993.
- Гелашвили И.** Философско-антропологические воззрения К.Н. Вентцеля. Дис. М., 2003.
- Дружников Ю.** Явная и скрытая жизнь Константина Вентцеля [http://www.druzchnikov.com/text/rass/russmif/3.html].

Емельянов Б. Космическая педагогика Н.К. Вентцеля // Школа мысли: Альманах гуманитарного знания. 2003. № 2 [http://shkola-mysli.by.ru/02-08.html]

Рорти Р. Случайность, ирония, солидарность. М.: Русское феноменологическое общество, 1996

Illich I. Deschooling. Society. Harper & Row, 1971.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1 Проект Person und Subjekt im deutsch-russischen Kulturtransfer. Untersuchungen zum Begriffsfeld der Personalität in interkultureller Perspektive (Volkswagenstiftung).
- 2 Дружников Ю. Явная и скрытая жизнь Константина Вентцеля [http://www.druzchnikov.com/text/rass/russmif/3.html]. Юрий Дружников работал с архивом Вентцеля в 1977-1978 гг., и цитируемая статья, возможно, является уникальной, поскольку, согласно свидетельству автора, часть архива Вентцеля, хранившегося в Академии педагогических наук, погибла в 1978 году — в архиве прорвало трубу ...
- 3 В особенности интересно сравнить критику Вентцелем понятия авторитета, в том числе авторитета научного знания (в статье «Принцип авторитета и его значение в жизни и воспитании», цитируемой ниже), с аналогичными инвективами Ричарда Рорти в адрес претензий науки и сциентизированной философии (Рорти, 1996).
- 4 См.: Illich, 1971. Эту и другие работы Илича можно найти в интернете: [http://www.preservenet.com/theory/Illich.html].
- 5 См.: Вентцель К. Заметки о космическом воспитании // Вентцель, 1993. Краткую характеристику позднего периода, а также драматические биографические подробности послереволюционной жизни Вентцеля см., в частности, в статье: Емельянов, 2003. См. также диссертацию: Гелашвили, 2003.
- 6 Вентцель, ориентируясь на стандарты эмпирической метафизики своего времени, говорит о метафизической «гипотезе».
- 7 Точнее говоря, Вентцель не является дуалистом: психическое и физическое являются продуктами аналитической абстракции единого целого (жизни), однако, это различие является не только эпистемологически оправданным в аналитических целях, но и практически необходимым: «этот анализ может иметь высокое жизненное значение, будучи подготовительной ступенью для сознательного синтеза личности с человечеством и всемирным обществом: естественное единство, которое заключает в себе часто антагонизм между индивидуальным и универсальным началом, человеческая воля,

Синтез и индивидуальность Свободная педагогика Константина Николаевича Вентцеля
в контексте его философской системы

- руководимая разумом, пытается заменить единством сознательным, которое исключило бы всякий антагонизм и явилось бы самой совершенной гармонией» (Вентцель, 1911 (1900), 230). — Здесь и далее цитируется в соответствии с приведенным списком публикаций. В круглых скобках указывается год первой публикации работы.
- 8 «Следуя указанию опыта, нам остается только установить тесную связь, которая существует между физическим и духовным, и невозможность сведения одного на другое» (Вентцель, 1911 (1900), 112).
  - 9 Вентцель, 1911 (1900), 115.
  - 10 Вентцель, 1911 (1900), 209.
  - 11 Вентцель, 1911 (1900), 211.
  - 12 Вентцель, 1911 (1900), 213.
  - 13 Вентцель, 1911 (1900), 214.
  - 14 Вентцель, 1911 (1900), 219.
  - 15 Вентцель, 1911 (1900), 227-228.
  - 16 Вентцель, 1911 (1900), 218.
  - 17 Вентцель, 1911 (1900), 239-240.
  - 18 «Только совершенная воля есть нравственное благо само по себе, но таким не является, например, совершенство в умственном отношении» (Вентцель, 1911, 346).
  - 19 Вентцель, 1911 (1900), 250.
  - 20 Вентцель, 1911, 270.
  - 21 Вентцель, 1912, 392.
  - 22 Вентцель, 1912, 636.
  - 23 Вентцель, 1912, 495.
  - 24 Вентцель, 1911, 16.
  - 25 Например, в форме таких рядов синоними: «нашей личности, нашего «я» (Вентцель, 1911, 263).
  - 26 «Понятия о реальном существовании «отдельной, обособленной личности» и о реальном существовании «общества, человечества, мира, независимо от составляющих их индивидуумов» ... являются не чем иным, как фикцией» (Вентцель, 1911, 231).
  - 27 Вентцель, 1911, 229.
  - 28 Вентцель, 1911, 232.
  - 29 Это, правда, некорректная историко-философская характеристика: решительный поворот к деятельностному пониманию субъективности был осуществлен И.Г. Фихте.
  - 30 Вентцель, 1911, 231-232.
  - 31 Вентцель, 1911, 230.
  - 32 Вентцель, 1911, 232.
  - 33 Вентцель, 1911 (1891), 91.
  - 34 Вентцель, 1911 (1891), 100.
  - 35 Вентцель, 1912 (1896), 424.
  - 36 Вентцель, 1911, 162.
  - 37 Вентцель, 1911, 324.
  - 38 Вентцель, 1911, 266.
  - 39 Вентцель, 1911, 306.
  - 40 Вентцель, 1911, 325.
  - 41 Вентцель, 1911, 366.
  - 42 Вентцель, 1917, 4.
  - 43 «Всегда и везде нравственность заключалась, заключается и будет заключаться в исполнении своей высшей воли, но отнюдь не в подчинении ее какой бы то ни было другой чужой воле, хотя бы это была воля всего человечества» (Вентцель, 1912 (1909), 577).
  - 44 Лапидарная формулировка этой программы у Вентцеля выглядит следующим образом: «Но воспитывать должен не только воспитатель ребенка, а и ребенок воспитателя» (Вентцель, 1912 (1909), 594).
  - 45 Раннее творчество Толстого, напротив, заложило основы русской свободной педагогики, крупнейшим продолжателем которой и является Вентцель.
  - 46 «Свободное развитие и воспитание на религиозных началах — это две вещи несоизмеримые. Религиозное воспитание, о котором говорит Толстой, как бы возвышенно оно ни было, может воспитать только личностей, скованных цепями невидимого рабства» (Вентцель, 1912 (1910), 620).
  - 47 Вентцель, 1912 (1909), 581.Ср.: Указ. соч. С. 582, 584.
  - 48 Вентцель, 1912 (1909), 584.

Отделение школы от государства и декларация прав ребенка

(Публикуется по изданию: Вентцель К. Отделение школы от государства и Декларация прав ребенка — «Библиотека свободного воспитания и образования и защиты детей». Под редакцией И. Гобунова-Посадова. Выпуск CXIV. — М.: Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнерев и Ко, 1918.)

Мы находимся накануне строительства новых форм политической жизни, накануне предстоящего в скором времени созыва Учредительного Собрания, которое определит форму правления в России и те основные законы, на которых будет построена русская конституция. И вот в связи с этим выплывает один вопрос капитальной важности, который не может быть оставлен без рассмотрения и который должен привлечь к себе внимание всех тех, кого беспокоят грядущие судьбы нашей родины и кто желал бы, чтобы Россия неуклонно двигалась в направлении все большего расширения свободы и воплощения в своих общественных формах все большей социальной правды и справедливости, чтобы движение ее по пути прогресса никогда не могло быть прервано шагами вспять. Этот вопрос — вопрос о народном образовании, о воспитании подрастающего молодого поколения. В чьих руках оно должно находиться? Кто и что здесь должно являться определяющим фактором? Попытаемся ответить на этот вопрос.

Основное положение, которое здесь можно было бы выставить и осуществления которого надо стремиться во что бы то ни стало достигнуть всем тем, кому дорога свобода в деле воспитания и образования, всем тем, кому близки интересы истинного воспитания и образования, кто борется за свободную школу, за создание для молодого поколения условий и возможностей свободного и наиболее полного развития всех заложенных в каждом отдельном члене этого молодого поколения сил и способностей, это — что дело образования и воспитания должно быть поставлено таким образом, чтобы оно было независимо от государства. Подобно тому, как выставя-

ется лозунг отделения церкви от государства, так и мы должны выставить аналогичный лозунг отделения школы от государства. Уже всеми достаточно ясно осознано, какое страшное это зло, когда дело религии находится в руках государства, когда церковь является орудием в достижении тех или других политических целей, когда существует в данном государстве одна определенная господствующая церковь, пользующаяся особым покровительством данного государства. Но едва ли так же ясно создано, что если религия, религиозный культ, основание тех или других церквей должно быть вполне свободным делом отдельного индивидуума или свободного союза отдельных людей и что в данном случае не может быть терпим протекторат той или другой церкви и использование ее для тех или других чисто государственных целей, то подобно этому и дело воспитания и образования должно быть свободным делом той или другой индивидуальной личности или свободного союза таковых личностей между собою и что не должно существовать никакой государственной школы, пользующейся особым покровительством государства, наделенной всякими привилегиями по сравнению с другими школами и служащей орудием для осуществления тех или других политических задач данного момента.

Быть может, на это возразят, что нельзя проводить аналогии между отделением церкви от государства и отделением школы от государства, потому что религия есть личное дело каждого, и потому в области религии должна господствовать полная свобода, тогда как образование и воспитание есть не только личное дело каждого, но и затрагивают интересы всего

общества в целом, и потому здесь так или иначе необходимо вмешательство государства. Но для существа затрагиваемого мною вопроса это не имеет значения. Дело религии должно быть сделано независимым от государства не потому только, что оно есть личное дело каждого или дело свободного союза лиц, исповедующих одну и ту же религию, но и потому также в особенности, что самому этому делу наносится существенный ущерб, когда государство прикасается к нему своими грубыми руками. Подобно этому, хотя вопрос об образовании и воспитании и затрагивает интересы всего общества в его целом, но так как воспитание и образование касаются главным образом внутренней духовной культуры личности, которая может быть реализована только в атмосфере свободы, которая боится всякого насилия, — подобно этому и дело образования терпит ущерб и не может быть поставлено на самую большую возможную высоту, пока оно находится в вассальной зависимости от государства, этой организации, по существу своему основывающейся на насилии.

Школа должна быть вполне свободна и независима от гнета государства, каково бы оно ни было; будет ли это абсолютная монархия или демократическая республика, определенные политические преходящие задачи того или другого момента не должны играть определяющую роль в постановке дела народного образования. А это последнее всегда будет, пока дело народного образования будет находиться в руках государства. До тех пор всегда интересы истинного образования, истинной духовной культуры будут подчинены побочным внешним и случайным интересам тех или других господствующих в данный момент политических

партий, будут находиться в зависимости от случайного большинства в законодательных палатах или случайного состава правительства, или случайного занятия поста министра народного просвещения тем или другим лицом.

Дело народного образования, школьное дело должны быть переданы из рук государства, из рук правительственной власти, служащей выражением государства, в руки общества, в руки отдельных самоуправляющихся общин и свободно образующегося союза этих общин, который может принять более или менее широкие размеры, смотря по тем задачам, которые он себе ставит. Такой свободный союз может и должен охватить и всю территорию России, и он будет большей гарантией,

Какое страшное это зло, когда дело религии находится в руках государства

что дело воспитания и образования в школе будет поставлено правильно и что в постановку его не будет замешана политика, чем если бы это дело находилось в руках правительственной власти.

Один из доводов, который говорит еще в пользу отделения школы от государства, освобождения школы от государственного давления, заключается в следующем. Если школа будет отделена от государства, то она станет доступной для более широких и коренных реформ, чем все другие стороны общественной жизни, в изменении которых государство является определяющим фактором. Она таким образом получит возможность не плестись медленным темпом за преобразованием других сторон социальной жизни, где сталкиваются столь противоречивые интересы отдельных классов обще-

ства, часто не позволяющие их быстрое изменение в соответствии с более высокими социальными идеалами, выдвинутыми передовою мыслью человечества, а наоборот, идти впереди и быть местом осуществления самых высоких общечеловеческих идеалов. Школа, освобожденная от государства, ставшая независимой от борьбы политических партий и социальных классов, далеко опередит в своем развитии все другие стороны социальной жизни и в результате получит господство над ними и облегчит безболезненное и более быстрое преобразование и политических, и социальных учреждений в новые формы, соответствующие тому более повышенному сознанию правды и справедливости, воплощением и рассадником которого станет такая свободная школа.

Таким образом, было бы желательно, чтобы в будущих основных законах, формулированием которых займется имеющее быть созванным Учредительное Собрание, нашла свое осуществление и воплощение идея свободной народной школы — школы, свободной от всякого гнета, а особенно государственного, школы, свободно возникающей путем свободной ассоциации составляющих ее элементов, и свободно самоуправляющейся школы. Будущее Учредительное Собрание должно обеспечить возможность широкого и повсеместного создания такой школы, которая являлась бы свободным договором родителей, учителей и учащихся, какого бы возраста эти последние ни были, которая была бы результатом их добровольной, а не насильственной кооперации между собой, внутри которой была бы обеспечена полная равноправность всех ее участников и которая, как целое, была бы свободна от всякого давления

извне, откуда бы это давление ни простекало. Только такая истинная школа, являющаяся свободным договором всех ее участников, будет самопроизвольно отливаться в те формы, которые требуются природою ее участников, будет органически развиваться соответственно указаниям опыта и требованиям научной педагогики. Учредительное Собрание должно позаботиться о том, чтобы такая школа стала достоянием всего народа, чтобы она могла пустить глубокие корни в народе и чтобы, наконец, русский народ действительно оказался в обладании истинной народной свободной школой, самоуправляющейся, пользующейся полной свободой самоопределения и независимой от всякого внешнего государственного регламентирования.

Это дело мы считаем одним из самых важных и неотложных дел будущего Учредительного Собрания, потому что осуществление его есть осуществление одной из самым действительных и прочных гарантий свободы, гарантий того, что свобода не явится когда-нибудь хрупкой игрушкой в руках тех или других политиканов, не станет ареной для тех или других политических мнений и страстей, не сделается орудием в руках господствующих классов для достижения их классовых целей и не будет в один прекрасный день разбита вдребезги, уступив место новым формам рабства и порабощения. Будем же всеми силами помогать тому, чтобы освобождение школы от государства огненными буквами было начертано в новой нашей хартии, которая будет утверждена в Учредительном Собрании.

Наряду с этим Учредительное Собрание, как основной Закон, должно провозгласить право каждого ре-

бенка, рождающегося на свет, на получение им истинного воспитания и образования, на выработку из него свободной творческой личности, которой дана возможность развить все заложенные в ней силы и способности до наивысших возможных размеров. Народная школа должна быть не только свободной школой, но она должна быть и доступной для всех. И притом доступной для всех должна быть не только низшая, но и средняя и высшая школа. Двери всех школ должны быть бесплатно открыты для всего народа. Долг государства — устранившись от всякого стесняющего свободное органическое развитие школы давления извне на постановку дела в школах, дать для школьного дела самые изобильные средства, которые могли бы, при самой лучшей постановке школ, сделать их доступными для всех и каждого, кто только в них нуждается. И это также будет одной из лучших гарантий дела свободы, потому что чем больше будет творческих личностей, получивших истинное свободное воспитание и образование, чем меньше будет людей-автоматов, людей-орудий, людей внешней показной культуры, которых формировала прежняя несвободная государственная школа, тем на более прочном фундаменте будет стоять и дело свободы в России. И если каждый ребенок станет свободной, не внешне образованной, а развившей в себе внутреннего человека творческой личностью и возьмет в школе из даров культуры все, что только она может дать, то тогда ничто и никогда не поколеблет тот величественный храм Свободы, который создаст Россия на смену рабства и деспотизма, так долго мучившего и терзавшего ее. И это великое творчество Великой России вызовет подражание в других народах

и приведет, таким образом, к тому, что все народы всего земного шара сольются в одну свободную братскую семью, в которой принцип власти одного человека над другим навсегда уступить свое место принципу свободной самодержавной творческой личности.

Но как практически осуществить это отделение школы от государства — вот вопрос, который нам, конечно, зададут. Попытаемся поэтому дать в виде примера общую схему организации дела народного образования, поставленного в независимое положение по отношению к государству. Причем мы спешим оговориться, что эта схема имеет именно только примерное значение и что мы не сомневаемся в возможности другой организации, при которой отделение школы от государства достигается более полно и совершенно и которая будет найдена в результате коллективного и всестороннего освещения этого вопроса.

Должна быть принята определенная территориальная единица, — в деревне, предположим, это будет волость, в городе — район. Все родители данной территориальной единицы образуют один союз, который распадается на более мелкие группы; группы эти могут быть образованы или на основании принципа соседства (в одном доме, в одном квартале города, в одной деревне и т.д.), или на основании совпадения интересов, взглядов, взаимных симпатий и т.д. В этот союз родителей будут входить также и те члены взрослого поколения, которые, не являясь родителями в собственном смысле, т.е. не имея своих детей, не могут, однако, не принимать близко к сердцу интересы правильного воспитания и образования молодого поколения. Представители всех этих отдельных групп родите-

лей данной местности образуют Родительский Комитет, являющийся исполнительным органом Союза Родителей данной местности. Подобно этому и все педагогические силы данной местности образуют один Союз Педагогов, дробящийся на отдельные группы, смотря по характеру педагогической деятельности, например союз детских садовниц, союз деятелей начальной школы, союз деятелей средней школы и т.д. Представители от этих отдельных групп образуют Педагогический Комитет данной местности. Родительский Комитет и Педагогический Комитет в постоянном контакте между собою. На обязанности обоих комитетов лежит открытие школ в данной местности, их содержание и контроль за правильной постановкой в этих школах преподавания и воспитания. Союз Родителей и Союз Педагогов данной местности (волости, района) выбирают представителей в Родительский и Педагогический Комитеты более широкой территориальной единицы — уезда и города. Из представителей Родительского и Педагогического Комитетов уездов и городов выбираются представители в Родительский и Педагогический Комитеты по данной губернии. Затем формируются Областные Родительские и Педагогические Комитеты и из представителей Областных Родительских и Педагогических Комитетов создается Общероссийский Соединенный Родительский и Педагогический Комитет, который должен заменить собою Министерство Народного Просвещения и избранный председатель которого должен заменить собою министра народного просвещения.

Вот общая схема организации. Каждая из территориальных единиц этой организации, начиная с самой

низшей, вполне автономна в своей деятельности, поскольку эта деятельность ограничивается пределами данной территории. Поскольку деятельность выходит за пределы данной территории и требуется соединенное действие нескольких территориальных единиц, мы вступаем в сферу действия территориальной единицы более высокого порядка, функция которой — облегчить совокупное действие более низших территориальных единиц для достижения общей цели. Роль же Министерства Народного Просвещения будет заключаться в том, чтобы облегчить совокупное согласованное действие Родительских и Педагогических Комитетов и Союзов Родителей и Союзов Педагогов для достижения тех целей воспитания и образования, которые простираются на всю Россию. В Министерстве Народного Просвещения будут сосредоточены все данные о состоянии дела народного образования в России; оно будет разрабатывать и готовить все необходимые материалы для выяснения правильной постановки этого дела; оно будет распределять между отдельными территориальными единицами средства, ассигнуемые на народное образование; оно, наконец, будет озабочиваться созданием таких учреждений, которые могли бы повести к улучшению постановки дела воспитания и образования во всей России тех учреждений, в существовании которых будут чувствовать надобность и районы, и волости, и города, и уезды, и губернии, и области. Роль Министерства Народного Просвещения будет только регистрирующая, подготовительная, восполняющая, объединительная и отчасти контролирующая. Оно будет всячески облегчать деятельность местных органов народного образования всех сте-

пеней широты, но не будет посягать на самостоятельность и независимость этой деятельности, не будет оказывать на нее никакого гнета и будет избегать всякой излишней и ненужной регламентации. И, будучи выборным органом, оно будет всегда находиться в самой полной гармонии и согласованности с деятельностью местных организаций, которые будут пользоваться самым широким самоопределением, будут вполне автономны, будут именно самоопределяющимися единицами в деле народного образования.

К строительству в деле народного образования должны быть привлечены и дети, подростки и юноши, которым в пределах района и волости, а также более мелких единиц (по категории учебных заведений) должна быть облегчена возможность организации и заявления о своих нуждах, потребностях, интересах и запросах и дана возможность входить в самый широкий контакт с Родительским

Школа должна быть вполне свободна и независима от гнета государства

и Педагогическим Комитетами данной местности, чтобы оказать со своей стороны ту или другую долю влияния на постановку дела воспитания и образования в данной местности или в том или другом данном учебном заведении. Эти организации могут принять и более широкий характер, так что вполне даже мыслим союз молодежи, распространяющийся на всю Россию.

При такой постановке организации дела народного образования можно быть уверенным в том, что оно будет поставлено на правильный путь, сообразно требованиям истинной Педагогике, что оно будет идти на-

встречу действительным и истинными потребностям детей и будет иметь в виду интересы истинной культуры и истинной общественности и что оно не может стать орудием в руках какой-нибудь политической партии для достижения тех или других антиобщественных и антикультурных целей, как это имело, напр., место в Германии до войны, правительство которой систематически милитаризовало юношество и воспитывало в нем ложный патриотизм и ненависть к другим нациям.

Постепенно функции государства должны все более и более сокращаться и переходить в руки свободно возникающих и свободно действующих союзов

В дополнение к только что сказанному прибавлю, что начальное образование, детские сады и начальная школа будут, по всей вероятности, целиком находиться в руках мелких территориальных единиц; средняя школа уже потребует для своего осуществления более широких территориальных единиц, а высшая — и еще более широких. А кроме того, для осуществления тех или других просветительных учреждений будут образовываться и различные свободные союзы, независимые от признака территориальности и тех или других условных делений на районы, волости, уезды, города, губернии или области. Это все укажет сама практика дела школьного образования, а предрешать здесь ничего нельзя, можно же только наметить общие рамки, в которых должна разворачиваться деятельность по постановке, расширению и углублению дела школьного образования в стране.

Такой порядок даст возможность широко индивидуализировать эту постановку в зависимости от местных условий, а также и тех народностей, которые населяют данную местность. Школа таким образом будет приспособляться к условиям жизни в данной местности и к национальным особенностям тех или других групп населения. А так как каждое учебное заведение, будет ли это детский сад, будет ли это начальная школа, средняя или высшая и в пределах какой бы территориальной единицы они ни находились, будет обладать полной свободой самоопределения, будет учреждением самоуправляющимся, в котором дана будет возможность всем элементам, его составляющим, оказать влияние на постановку дела, — то таким образом будет непрестанно совершаться и процесс приспособления школы к тому или другому контингенту детей, получающих образование в данной школе, к тому или другому составу Педагогов, являющихся посредниками в получении этого образования, к той или другой группе родителей, которые группируются около этой школы и являются в том или другом отношении содействующим фактором и в отношении детей и Педагогов.

Такая постановка дела облегчит личный почин и инициативу в деле народного образования. Всяким реформаторским идеям, если только они исходят от компетентных людей, способных их провести и осуществить, будет открыт самый широкий простор и оказана всякая материальная помощь. Если только они в состоянии будут доказать свою жизнеспособность, то тем самым они приобретут и право на то, чтобы на воплощение их в жизнь были ассигнованы материальные средства из имеющегося фонда

на народное образование. А этот фонд в бюджете будущей России должен занимать не скромное место, какое он занимает теперь, а наибольшее.

Высказанные здесь мысли, без сомнения, вызовут самый широкий протест со стороны тех, кто привык мыслить в рамках государственности и кто поэтому с трудом может представить себе, как в каком-нибудь общественном деле можно обойтись без государства, этого кумира современности... Как образчик такого мышления, я могу привести появившуюся в №76 «Русских Ведомостей» за 1917 год редакционную статью под названием «Начальная школа и государственность». Статья эта написана в связи с состоявшимся в первых числах апреля в Москве областным учительским съездом. Редакция газеты ужасно недовольна, что этот учительский съезд «громко возглашает: долой ненавистных инспекторов народных училищ, долой училищные советы, власть над школою — учащим!» «В некоторых местностях, — читаем мы дальше, — волею учительства» уже упразднены и училищные советы, и инспекторы народных школ, и руководство делом народного образования взяли на себя школьные комитеты учащихся. Все эти явления вполне понятны, как болезненная реакция против долголетнего гнета старого строя. Но было бы ошибочно идти к выходу указанным путем... Центральная государственная власть, отпускающая огромные средства на начальное образование, не может быть поставлена в стороне от участия в управлении начальной школою... Нигде на свете народная школа не находится в руках самоуправления народных учителей и учительниц. Не будет, конечно, такой школы и в России».

Не слишком ли большую смелость берет на себя редакция «Русских Ведомостей» предсказывать, какая школа будет в России. Будущее России чревато многими неожиданностями. Перед нею открылся такой широкий путь творчества, что решительно никто не в состоянии сказать, до каких пределов дойдет Россия в этом процессе творчества. Что создаст она? Какую школу? Быть может, именно такую, какой еще нигде не было на свете. Вся революция в России идет не тем путем, как на Западе, и приведет, вероятно, не к тому, к чему пришел Запад, а к чему-нибудь новому, более глубокому и широкому. Русские народные учителя на 1-м областном учительском съезде в Москве явились в данном случае как бы провозвестниками этого нового в области народного образования. Они громко потребовали автономии начальной школы, ее свободного самоопределения, ее отделения от государства и освобождения от его опеки, уничтожения ее зависимости от центральной государственной власти. И пускай не говорят нам, что «надо помнить, что власть эта — в руках новых ее представителей, на которых не следует переносить тех чувств, которые порождены старою властью». Власть всегда остается властью; сегодня, вынесенная волной революции и общим опьянением весенних дней свободы, она — новая, а завтра, когда весна пройдет и жизнь войдет в более или менее постоянную колею, она станет старой, с которой тоже придется бороться... Не лучше ли поэтому дело народного образования оградить от всякой власти, так как, как показывают история и опыт человеческой жизни, всякая власть, хотя бы и самая благожелательная, — увы! — так легко портится и становится угрозой для свободы тех, кто на-

ходится от нее в зависимости. Слава поэтому русским народным учителям, угадавшим своим здоровым чутьем эту «старую», но и «вечно новую» историю всякой власти и смело провозгласившим освобождение народной школы от государственной власти! Пусть их голос широко разнесется по всей России и пусть высказанные ими мысли найдут отголосок в Учредительном Собрании!

Едва ли нужно опровергать довод, приводимый редакцией «Русских Ведомостей» в защиту права вмешательства центральной государственной власти в управление начальной школой и заключающийся в том, что эта власть отпускает огромные средства на народное образование. Но чьи же деньги отпускает эта власть? Ведь она отпускает не свои деньги, не ей принадлежащие, а народные... Она является в данном случае только передаточной инстанцией, и эта роль ни в малейшей степени не создает для нее какого-либо права оказывать давление на народную школу и лишать ее автономии и свободы самоопределения.

Власть одного человека над другим человеком, что составляет сущность государства, должна быть уничтожена и будет уничтожена в процессе исторического развития человечества. Государство, как высказал это еще Гумбольдт в своем сочинении «Мысли по поводу одной попытки определить границу деятельности государства», есть только необходимое зло. Про государство, хотя он и восстает против таких отрицателей государства, как Л. Толстой, хорошо сказал Людвиг Штейн, профессор философии Бернского университета. В своем сочинении «Социальный вопрос с философской точки зрения» он пишет: «Современное государство по отношению к свободе лич-

ности страдает от некоторого внутреннего противоречия. Конечно, с одной стороны, и современное государство считает одной из своих главных задач гарантию и защиту всеми находящимися в его распоряжении средствами личной свободы, но с другой стороны, именно эти средства такого рода, что они не допускают существования естественной личной свободы.

Современный человек так сжат и зашнурован нравами, модой и общественными условностями, его свобода движения так ограничена полицией, юстицией и общественными формальностями, что он может заговорить своим настоящим, натуральным голосом разве только на покрытых снегом альпийских вершинах, не подвергаясь опасности подпасть под государственную или общественную опалу. Конечно, у государства, этой большой темницы естественной свободы, золотая решетка — богатство, высокие положения, отличия, ордена, дворянское звание и т.п. Но с одной стороны, если всю эту якобы позолоту рассмотреть через лупу философа да почистить с нее немного лигатуру, то она окажется из фальшивого золота; а с другой стороны, тюрьма, если даже ее решетки сделаны из золота самой высокой пробы, все же остается тюрьмой. Ведь и птицы стремятся из своей изящной клетки в свое простое, примитивно устроенное гнездо».

Человечество только тогда достигнет идеального состояния, когда будет достигнуто уничтожение государства как формы соединения людей, основывающейся на насилии, принуждении и власти, и когда вместо государства утвердится свободное общество, в котором навсегда будет поколеблен принцип власти одного человека над другим. Рано или поздно это должно

случиться. Постепенно функции государства должны все более и более сокращаться и переходить в руки свободно возникающих и свободно действующих союзов, в руки общества. И государство должно само содействовать этому процессу, пока, передав таким образом все свои функции обществу, оно не сделается излишним и не упразднит в конечном счете самого себя. Это есть путь завоевания человечеством себе все большей и большей свободы. Одним из первых этапов в этом самоупразднении государства является передача им дела народного образования в руки общества, отделение школы от государства. И чем скорее это будет сделано, тем лучше.

В дополнение к сказанному я должен прибавить, что намечаю здесь только общие рамки такого обширного и сложного вопроса, как отделение школы от государства. Цель моей статьи — доказать основную и принципиальную важность этого вопроса и наметить те линии, в направлении которых он мог бы быть разрешен, но не вдаваться в обсуждение тех или других деталей, которые будут поставлены на очередь тогда, когда будет идти речь о тех или других законодательных предположениях, которые могли бы обеспечить действительное отделение школы от государства. Повторяю, этот вопрос есть вопрос насущной важности, и чем скорее будет приступлено к его разрешению, к собиранию необходимых материалов и к освещению его со всех сторон, тем лучше, — тем больше будет шансов на правильное его разрешение в Учредительном Собрании. Приложим же старания к тому, чтобы идея отделения школы от государства одержала победу, — от ее победы зависит светлое будущее свободной демократической

России, ее успех может быть чреват для последней различными осложнениями, которые могут подвергнуть большой опасности свободу в будущей Российской Демократической Республике!..

Но отделение школы от государства тесно связано с широким, всеобщим и наиболее полным признанием прав ребенка, составляющим его необходимую основную предпосылку. Вот почему будущее Учредительное Собрание не может ограничиться одной только разработкой вопроса об отделении

Ребенок во всех возрастах своей жизни в своей свободе и правах равен с взрослым совершеннолетним человеком

школы от государства и созданием тех или других относящихся сюда законодательных предположений. Наряду с декларацией прав человека и гражданина — декларацией, имеющей в виду только взрослого совершеннолетнего человека, оно должно провозгласить декларацию прав ребенка. До сих пор еще в мире нет такой конституции, где были бы ясно и открыто провозглашены права ребенка. Пускай первой такой конституцией будет конституция русская! Отчего, когда речь идет о правах, то люди думают только о правах взрослого поколения, которое является хозяином жизни в данный момент, и игнорируют права подрастающего поколения, которое явится строителем будущего? Надо быть предусмотрительным и надо принять меры к тому, чтобы это будущее было прекрасно, а для этого надо в достаточной мере проявить заботливость и внимание по отношению к подрастающему поколению. В будущей русской конституции должны получить признание права

ребенка и должны быть сформулированы необходимые условия для их реального осуществления. Какие же это права? Прежде всего это — право на жизнь. Каждый ребенок, рождающийся на свет, имеет право на существование, и общество должно дать для этого необходимые средства. Но этого мало, каждый ребенок есть определенная конкретная индивидуальность в зародыше, таит в себе тот или другой комплекс сил и способностей, и он имеет право на то, чтобы ему была дана возможность вполне выявить свою индивидуальность, развить все заложенные в нем силы до наивысших возможных пределов и стать свободной, самобытной, независимой творческой личностью. Чтобы оба эти права могли быть осуществлены, каждому ребенку, подростку и юноше должен быть гарантирован известный минимум материального существования, открыт бесплатный доступ в образовательные и воспитательные учреждения всех степеней, и он должен быть обеспечен в отношении всякого рода учебных пособий и книг, так как без этого условия право на получение образования в школах будет одним только словом, лишенным всякого действительного значения. Если бы мы попытались изложить эту декларацию прав ребенка в общих чертах, то можно было бы ее формулировать в следующих 18 параграфах.

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ РЕБЕНКА

1. Каждый ребенок, рождающийся на свет, каково бы ни было социальное положение его родителей, имеет право на существование, т.е. ему должна быть обеспечена определенная совокупность жизненных условий, как она устанавливается гигиеною детского возраста, необ-

ходимых для сохранения и развития его организма и для успешной борьбы последнего с враждебными жизненными влияниями.

2. Забота о том, чтобы эти требуемые гигиеною детского возраста жизненные условия были обеспечены ребенку, лежит на родителях, на обществе в его целом, на государстве. Роль каждого из этих факторов и их взаимное отношение в деле доставления ребенку этих условий определяются соответствующими узаконениями.
3. Каждый ребенок, рождающийся на свет, имеет право на свободное развитие всех заложенных в нем сил, способностей и дарований, т.е. право на воспитание и образование, соответствующее с его индивидуальностью. Осуществление этого права должно быть гарантировано бесплатным предоставлением ему во всех возрастах его жизни соответствующих воспитательных и образовательных учреждений, где бы все стороны его природы и характера получили наиболее благоприятные условия для своего гармонического развития.
4. Каждый ребенок, какого бы возраста он ни был, есть определенная личность и ни в каком случае не может быть считаем ни собственностью своих родителей, ни собственностью общества, ни собственностью государства.
5. Каждый ребенок имеет право выбирать себе ближайших воспитателей и отказываться и уходить от своих родителей, если они оказываются плохими воспитателями. Это право ухода от родителей принадлежит ребенку во всяком возрасте его жизни, причем государство и общество должны позаботиться о том, чтобы никакие перемены в этом отноше-

нии не повлекли за собою ухудшения в материальных условиях жизни ребенка.

6. Ребенок во всех возрастах своей жизни в своей свободе и правах равен с взрослым совершеннолетним человеком.

Если те или другие права не осуществляются им, то это должно быть обусловлено только отсутствием у него необходимых для осуществления этих прав физических и духовных сил. При наличности же последних возраст не должен служить ограничением к пользованию его этими правами.

7. Свобода заключается в возможности делать все, что не наносит ущерба физическому и духовному развитию ребенка и не вредит другим людям. Таким образом, пользование каждого ребенка своими естественными правами не должно встречать иных границ, кроме тех, которые диктуются законами нормального физического и духовного развития самого ребенка, и кроме тех, которые гарантируют другим членам общества пользование теми же правами.

8. Та или другая группа детей в своих взаимных отношениях между собой и в своих отношениях к окружающим ее взрослым может быть подчинена правилам, запрещающим действия, наносящие вред обществу в целом. Все, что не запрещено этими правилами, не должно встречать препятствий к своему осуществлению. Никто из детей не должен быть принуждаем к деланию того, что не предписано этими правилами.

9. Правила, которым подчиняется та или другая группа детей и связанных с ними общей жизнью взрослых, должны быть выраже-

нием общей их воли. Всем детям должно быть предоставлено право участвовать в составлении тех правил, которыми регулируется их жизнь и деятельность. Каковы бы ни были эти правила, они должны быть одинаковы для всех, как для детей, так и связанных с ними взрослых, при неприменимом условии, чтобы они не стояли в противоречии с требованиями социальной справедливости.

10. Ни один ребенок не может быть насильственно принуждаем к посещению того или другого воспитательного или образовательного учреждения.

Воспитание и образование на всех его ступенях являются свободным делом ребенка. Каждый ребенок имеет право уклониться от того воспитания и образования, которое идет вразрез с его индивидуальностью.

11. Никто, ни родители, ни общество, ни государство не могут принуждать ребенка обучаться той или другой определенной религии или принудительно исполнять ее обряды — религиозное воспитание должно быть вполне свободно.

12. Ни один ребенок не должен терпеть стеснения из-за своих убеждений, лишь бы их проявления не нарушали равные права других членов общества, взрослых и детей.

13. Каждый ребенок может свободно выражать в письменной или устной форме свои мнения и мысли в той же степени, в какой этим правом пользуются и взрослые люди, т.е. с теми только ограничениями, которые диктуются благом общества и составляющих его личностей и которые должны быть точно установлены законом.

14. Каждый ребенок пользуется правом образовываться с другими детьми или взрослыми те или другие союзы, кружки и тому подобные общественные соединения в той же мере, в какой это право принадлежит и взрослым людям. Безусловно запрещается образование таких союзов, которые преследуют цели и задачи, стоящие в противоречии с истинным благом ребенка и его нормальным физическим и духовным развитием, а также в той или другой мере наносят вреда обществу в его целом или составляющим его личностям. Эти случаи должны быть точно оговорены в законе.
15. Ни один ребенок не может быть подвергнут лишению свободы, кроме тех случаев, точно формулированных в законе, когда этого требует благо ребенка и окружающего его общества. Также ни один ребенок не может быть подвергнут никакому наказанию. С проступками и недостатками ребенка должно бороться при помощи соответствующих воспитательных учреждений, путем просвещения или лечения его, а не наказанием и всякими мерами репрессивного характера.
16. Государство и общество должны всеми средствами наблюдать за тем, чтобы все перечисленные в предыдущих параграфах права ребенка не терпели ни в чем умаления; они должны ограждать эти права от всяких попыток покушения на них и всех, кто не исполняет своих обязанностей по отношению к молодому поколению, должны принуждать к этому.
17. Должен быть образован фонд молодого поколения, при помощи ли установления всеобщего налога на реальное осуществление прав ребенка, при помощи ли отчисления из средств, получаемых государством другим путем, в размерах достаточных для того, чтобы права ни одного ребенка ни в чем не терпели умаления. Расходы, производимые из этого фонда, должны находиться под строгим общественным контролем.
18. Каждый ребенок с того возраста, когда это делается для него возможным, должен принимать участие в общественно-необходимом промышленном, сельскохозяйственном или каком-либо ином производительном труде в размере, определяемом его силами и способностями. Этот труд, однако, не только не должен наносить ущерб физическому здоровью детей или служить помехой в деле их духовного развития, но должен слиться в одно целое со всей системой воспитания и образования народа. Должны быть отведены определенные участки земли, организованы специальные мастерские или созданы какие-либо иные учреждения для других возможных видов общественно-необходимого труда, тесно связанные с воспитательными и образовательными учреждениями для детей. Создание подобного рода мест для общественно-необходимого труда даст возможность осуществить одно из священнейших прав ребенка — не чувствовать себя паразитом, сознавать, что он хотя отчасти окупает расходы общества по его воспитанию и образованию и по сохранению его жизни, а главное, обладать и сознанием того, что жизнь его не только может иметь общественную ценность в будущем, но имеет ее уже и в на-

стоящем, что он и в данный момент является участником и строителем общественной жизни.

Такова декларация прав ребенка, осуществления и всеобщего признания которой на всем земном шаре надо добиваться во что бы то ни стало. В этом заинтересованы все народы, все национальности, если только они понимают свои истинные интересы, потому что тот народ и та национальность, которые первыми осуществляют декларацию прав ребенка, достигнут и наиболее яркого и пышного выявления своеобразных черт народности и национальности. В этом заинтересованы и все те политические соединения, которые в настоящее время именуются государствами, потому что только признание декларации прав ребенка даст им возможность стать идеальными формами общежития, воплощающими в себе максимум социальной правды и справедливости. В этом, наконец, заинтересовано все человечество, потому что только всеобщее, наиболее полное и широкое проведение в жизнь декларации прав ребенка даст возможность человечеству в его целом составе достигнуть возрождения и полного обновления всех сторон и личной, и общественной жизни, достигнуть установления на земле того, что на языке религии называется «царством Божиим».

Но странное дело, несмотря на то что осуществление декларации прав ребенка представляется столь важным и с национальной, и с общественно-политической, и с общечеловеческой точки зрения, нет ни одной политической партии, которая прямо, смело и решительно написала бы на своем знамени осуществление святых прав ребенка во всей их широте и полноте.

Самые радикальные и крайние из политических партий в своих программах имеют в виду преимущественно интересы взрослого поколения. Что касается последнего, то здесь предъявляются самые широкие, революционные требования, граничащие с коренной перестройкой всей общественной жизни на новых началах, но когда заходит дело о молодом поколении, интересы которого существенным образом связаны с областью воспитания и образования, то здесь мы находим в программах партий только те или другие жалкие реформы, но не находим коренного преобразования всего дела воспитания и образования на новых началах и признания прав ребенка во всей их многообъемлющей широте.

Еще не народилась та политическая партия, которая во главу угла поставила бы права ребенка, которая сознала бы их основную и принципиальную важность, которая сознала бы, что только осуществление прав ребенка во всем их объеме может и проложить путь к наиболее полному осуществлению прав взрослого поколения, и послужить наиболее прочной гарантией этих прав.

Действительное и радикальное освобождение человечества, общества, народа, взрослой индивидуальной личности может быть проведено только через полное и всеобщее освобождение ребенка или вообще молодого поколения. Ребенок или молодое поколение — это путь к грядущей свободе всех. Это естественный зародыш и зерно всех свобод. Если мы на этот росток свободы, из которого вырастают все ее разнообразные формы, не будем обращать должного внимания, то все здание свободы, каким бы красивым оно ни казалось по внешнему виду, ока-

жется построенным на песке и может в один прекрасный день рухнуть как картонный домик.

Пора всем нашим передовым политическим партиям обратить на этот пункт должное внимание, пора им поставить как одну из своих важных целей провозглашение и проведение в жизнь декларации прав ребенка. Чем скорее это совершится, тем лучше.

Мы стоим перед близким созывом Учредительного Собрания. Хотелось бы верить, что среди членов этого собрания найдутся люди, которые будут бороться за права ребенка, что молодое поколение, представляющее значительнейшую часть населения всей России, будет там иметь своих представителей, хотя и не выбранных им, но бескорыстно и самоотверженно отстаивающих его интересы, хотя бы это и было связано с ограничением прав взрослого поколения в том или другом отношении.

Будем надеяться, что там, на Учредительном Собрании, молодежь найдет своих идеологов, которые сумеют привлечь внимание последнего к вопросу об освобождении молодого поколения от всех видов крепостной зависимости и сумеют добиться провозглашения декларации прав ребенка.

Друзья детства и молодости, соберите же и напрягите все свои силы, чтобы дети и молодежь не оказались непредставленными в будущем Учредительном Собрании. Помните, «в детях скрыты все величайшие возможности». Кто хочет прекрасного и великого будущего, тот прежде всего должен по-настоящему позаботиться о детях. Если Учредительное Собрание в России забудет о детях и не поставит вопрос о правах ребенка во всей его широте, то оно совершит великое преступление в отношении всего будущего нашей родины.

